

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕО-ЭСТЕТИКИ ДЛЯ АНАЛИЗА КУЛЬТУРНЫХ АРТЕФАКТОВ

Денис КОНДЮК, докторант Карлового университета в Праге, декан факультета в Украинской Евангельской Теологической Семинарии (Киев, Украина)

ORCID: 0000-0001-9890-2069
E-mail: denis.kondyuk@gmail.com

"Богословские размышления" № 21, 2018: 167-171

DOI: 10.29357/2521-179X.2018.21.12

Аннотация: В статье рассмотрена модель восприятия реальности через богословскую призму понятия красоты, как трансценденталии, исходя из традиции тео-эстетики в изложении Дэвида Бэнтли Харта. Анализируется применимость адаптированного богословия Григория Нисского к анализу культурных артефактов. Особное внимание уделяется эпектасису, апатее и роли перихорезы в переосмыслении Харта. Также рассматривается принцип аналогии бытия в применимости к распознаванию откровения о Боге в разных творческих проявлениях. Исследование берёт за основу анализ художественного фильма и на примере этого анализа предлагает рабочую методологию для анализа других культурных объектов.

Ключевые слова: кинематограф и богословие, Дэвид Б. Харт, богословская эстетика, методология кино-анализа, Григорий Нисский, Андрей Звягинцев, Нелюбовь (фильм)

Abstract: This study presents a certain perspective on viewing reality through the lens of theological aesthetics. In particular through the concept of Beauty as a transcendental as presented by David Bentley Hart. Thus, his treatment of the concept by Gregory of Nyssa is applied to the analysis of cultural artifacts. So, the study concentrates on the concepts of epektasis, apatheia, and perichoresis as presented by Hart. There is also a short overview of analogia entis in relation to discovering God's revelation in different art pieces. On a practical level this study bases this discovery on an example of film analysis, which could be used as a methodological matrix for the analysis of other cultural artifacts.

Key words: film and theology, David B. Hart, theological aesthetics, methodology of film analysis, Gregory of Nyssa, Andrey Zviagintsev, Loveless (film)

Красота в тэо-эстетическом богословии Дэвида Бэнтли Харта

Дэвид Бэнтли Харт в 2003 г. опубликовал докторское исследование по Григорию Нисскому, как ответ современному пост-ницшеанскому философскому дискурсу (в обобщённом тезисе невозможности мирной риторики) под названием “Красота бесконечного”.¹ Харт предложил определённое переосмысления некоторых тезисов Ханса Урса фон Бальтазара через призму акцентов Нисского. Также, Харт сконцентрировался только на одной трансценденталии из трёх рассматриваемых Бальтазаром, а именно на красоте. В своём использовании концепции *аналогии бытия* и категорий *эпектасиса*, *апатеи* и *перихорезы* Харт акцентирует внимание на то, что опыт бесконечного возможен в нашем конечном творении именно потому, что Бог рассматривается как причина и условие бытия, как такового. *Апатея* позволяет говорить об избыточности бытия вне божества и самодостаточности Троицы во внутренней наполненности движения жизни. Это принципиально важно, поскольку Харт подчёркивает, что одним из условий применимости *аналогии бытия* является радикальная инаковость Бога-Троицы, но в то же время радикальное вовлечение Бога в сам факт бытийности всего. Из этого вытекает вторая важная концепция Григория — *эпектасис*, который определяет эту бытийность творения, как постоянное влечение к красоте бесконечного, а, по сути, к бытию в акте влечения.² Харт переосмысляет *апатею* в позитивных категориях динамизма любви.³ И, наконец, для Харта важна *перихореза* как само пространство бытия, как пространство вовлечения творения в *эпектасис*. Таким образом, бытийность и богоявление у Харта взаимосвязаны, без смещения категорий бытия Бога и творения, но радикально сближены их в актах влечения и дарования, и в соучастии в бытийности через аналогию. Следовательно, важно учитывать в рассмотрении трансценденталии красоты у Харта: *апатею* как ключевое условие *аналогии бытия*, инаковости Бога в Его вовлечённости в творение; *эпектасис* как “бытие в действии/движении” определяющее всё, что не есть Бог; и *перихорезу* как постоянное состояние дарования и принятия бытийности в аналогии с жизнью Троицы. Отталкиваясь от этих переосмысленных категорий Григория Нисского в переосмыслении Харта, мы можем видеть определённую рамку для методологического подхода к анализу культурных артефактов, которые разделяют с нами бытийность и могут, в каком-то смысле, ей способствовать.

Харт также формулирует семь качеств красоты, которые определяют его исследование: 1) красота является нам, а не раскрываема нами, она формирует нашу реакцию на её восприятие, она условие восприятия себя самой (является условием и последствием познания); 2) когда красота проявляет себя, она создаёт отличие

¹ David Bentley Hart, *The Beauty of the Infinite: The Aesthetics of Christian Truth* (Grand Rapids: Eerdmans, 2003).

² David Bentley Hart, *In the Aftermath: Provocations and Laments* (Grand Rapids, Mich: William B. Eerdmans Pub. Co, 2009), 172-173.

³ David Bentley Hart, *The Hidden and the Manifest: Essays in Theology and Metaphysics* (Grand Rapids: Eerdmans Publishing Co, 2017), 57.

и дистанцию, сохраняя постоянную невысказываемость переживаемого опыта бытия и защищает от восприятия реальности, как тотальности бытия; 3) красота пробуждает желание и создаёт определённое бытийное движение (условие и форма *эпектасиса*); 4) красота пересекает разделение между бесконечным и конечным благодаря своей аналогической форме (и, по сути, проявлением *anapeu*, как дистанции различия и сохранения партикулярности в акте бытия); 5) она превосходит рациональное восприятие реальности и не всегда может быть осмыслена в рациональных категориях (вследствие ограниченности языка в его возможности представить бесконечное/трансцендентное); 6) красота не должна отождествляться с символом (в формулировке Пауля Тиллиха), т.е. она не отсылает к чему то “большему”, она его являет (она есть форма бесконечного в конечном); 7) красота не меланхолична и мелодраматична, она не признаёт страдание и зло, как необходимые составные бытия.⁴

Формулировка метода тео-эстетического исследования

Такой взгляд на красоту Харта показывает, что в нашем взаимодействии с реальностью, наша вовлечённость, реакция и желание следовать опыту красоты определяют её последующий опыт. Весь опыт, согласно Харту, есть опыт события, или даже со-бытийности, что значит, что мы постоянно вовлечены во взаимодействие с красотой.⁵ Также этот взгляд показывает нам, что наш анализ культурной реальности должен включать, как аспект нашего личного вовлечения и формирования персональной перспективы восприятия, так и восприятия реальности, как бытия в действии/движении. Также это наталкивает на несколько идей восприятия культурных артефактов/феноменов: 1) человек воспринимающий культурные феномены находится в постоянном напряжении перед этическим вызовом, и постоянно принимает решения относительно своего взаимодействия с реальностью, открытости к ней, её переосмыслению и соучастию с ней (что не отвергает авторской интенции, но привносит важность переживания коммуницируемого кем-то опыта); 2) каждый культурный феномен представляет собой “бытие-в-действии” и приглашает нас к переосмыслению нашего опыта реальности;⁶ 3) верность культурного феномена реальности проявляется в уважении к партикулярности бытия отдельного творения и признания ограниченности в своей репрезентативности бытия, также позволяя аудитории сохранять свободу восприятия и реакции; 4) авторская интенция, форма культурного текста/феномена и опыт воспринимающего “получателя” должны рассматриваться как пространство взаимодействия с красотой, и как поиск репрезентации бытия; 5) *перихореза*, как богословская концепция, подталкивает богослова к восприятию культурного феномена в контексте взаимопроникающего опыта Троицы и

⁴ Hart, *The Beauty of the Infinite*, 17-28.

⁵ Там само, 283-284.

⁶ Это значит, что культурный феномен может быть верным реальности (побуждая нас укореняться своим бытием в бытийности), или создавать “альтернативную реальность” уводя нас в небытие.

эпектасиса, как формы реакции на подобный опыт переживания *перихоретического* проявления красоты бесконечного.

Применение метода

Итак, примером такого подхода может быть опыт рассмотрения фильма Андрея Звягинцева *Нелюбовь* (2017). В этом фильме представлена история семейной пары, переживающей кризис брака и отношений. И если родители имеют любовника/любовницу и активно готовятся к расторжению своего брака, то единственный ребёнок этого несчастного союза остаётся не удел, и переживает “нелюбовь”. В результате, он убегает из дому и на протяжении фильма родители и волонтёры ищут пропавшего мальчика. Хотя может показаться, что фильм сконцентрирован на социальных и культурных проблемах, он поднимает вопрос бытийности и способности переживать реальность определённым образом, т.е. способности к счастью и любви.

Если следовать пяти предложенным перспективам на красоту, то вырисовываются следующие аспекты восприятия фильма: 1) персонажи фильма находятся в постоянном напряжении выбора, их главный вызов в понимании того, что есть любовь, и как она определяет их бытие (это также и косвенное приглашение зрителя к вопросу саморефлексии и выбора по отношению к любви); 2) “бытие в действии” *Нелюбви* подразумевает движение к небытию, примером которого является исчезновение Алёши, поэтому зритель привлекается через приглашение согласиться/противостоять показанному (тут приглашение к *эпектасису*, через противопоставление небытию); 3) в фильме отвергается партикулярность “другого”, все персонажи настолько заиклены на себе (кроме волонтёров, которые как раз представляют собой прообраз *перихорезы* Троицы, изливающие бытие, как избыток), что их взаимоотношения не приводят к счастью (по сути жизни, бытийности по отношению к красоте), и по сути отвергают “другого” если он не удовлетворяет их желания, или не соответствует их ожиданиям; 4) Звягинцев бросает вызов пониманию любви и счастья, можно сказать, что фильм повествует о слепоте перед лицом красоты бытия, и Алёша иллюстрирует боль от сложившегося небытия, а зритель вовлекается в диалог, результатом которого может быть признание своей слепоты по отношению к красоте и смирению перед её самооткровением;⁷ 5) *перихореза* явлена в фильме в жертвенном даровании своих жизней и ресурсов командой спасателей, и, собственно, они являются намёком на красоту, их направленность на других является “дверью” к опыту *эпектасиса*.

Таким образом, мы видим, что модель рассмотрения красоты как трансценденции у Дэвида Бэнтли Харта может быть использована для анализа культурных артефактов и феноменов, и подводит нас к тому, что творчество и культурная деятельность, с богословской точки зрения, связаны с формой и способом бытийности, и могут как способствовать полноте переживания бытия, так и ограничивать

⁷ Звягинцев, в одном из интервью, указывает на некоторые аспекты негативной религиозности в фильме: Bilge Ebiri, “Andrei Zvyagintsev on His Tragic Fairy Tale “Loveless,” Today’s Russia, and Selfies: Russia’s foremost living filmmaker on making art out of his country’s travails” (May 24, 2017), <https://www.villagevoice.com/2017/05/24/loveless-is-a-tragic-fairytale-we-can-all-believe-in/>

его или даже способствовать небытию и смерти. Эта модель может вводить разговор о культуре и искусстве в богословский дискурс и ставить этические проблемы на рассмотрение этого дискурса. При чём анализировать можно абсолютно любой артефакт, созданный человеком, и участвующий в какой-то форме коммуникации. В итоге мы можем видеть, что тео-эстетическая перспектива Дэвида Бэнтли Харта может помочь разработать философско-богословскую модель восприятия культурных артефактов и феноменов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ebiri, Bilge. "Andrei Zvyagintsev on His Tragic Fairy Tale "Loveless," Today's Russia, and Selfies: Russia's foremost living filmmaker on making art out of his country's travails" (May 24, 2017), <https://www.villagevoice.com/2017/05/24/loveless-is-a-tragic-fairy-tale-we-can-all-believe-in/>
- Hart, David Bentley. *The Beauty of the Infinite: The Aesthetics of Christian Truth*. Grand Rapids, Mich.: W.B. Eerdmans, 2003.
- Hart, David Bentley. *In the Aftermath: Provocations and Laments*. Grand Rapids, Mich: William B. Eerdmans Pub. Co, 2009.
- Hart, David Bentley. *The Hidden and the Manifest: Essays in Theology and Metaphysics*. Grand Rapids: Eerdmans Publishing Co, 2017.